

2.6. Влияние на статус женщины ее способности к деторождению

В возрасте 20–30 лет женщина находилась в пике периода репродуктивности, что не могло не сказываться на ее семейном и социальном статусе. Главная задача женщины в этот период жизни — родить как можно больше детей. И если она была в состоянии это сделать, то ее статус в семье заметно повышался (буквально с момента первой беременности). Если же женщина была бесплодна, то не только ее статус, но и положение ее семьи в обществе были достаточно низкими.

В казахской культуре до сегодняшнего дня существует двойственное отношение к беременным женщинам. С одной стороны, женщин в положении берегли: им разрешалось не соблюдать религиозный пост (*ораза*), окружающие потакали их прихотям в еде (*жерік*), считая, что желание беременной женщины — это желание будущего ребенка. С другой стороны, беременные женщины продолжали трудиться по хозяйству, нередко выполняя тяжелую работу, которая негативно могла сказаться на беременности. Только на поздних сроках беременности, обычно за 40 дней до предполагаемых родов, женщину освобождали от домашней работы (Очерки по истории... 1978: 86). Какие-либо болезненные состояния, связанные с беременностью, рассматривались казахами как отклонения от нормы и приписывались проискам вредоносных сверхъестественных существ: *албасты*, *марту* или *жалмауыз кемпір* (Ибрагимов 1872: 121).

Молодая женщина с нетерпением ждала наступления первой беременности, которая доказывала семье мужа ее способность к деторождению, а следовательно, укрепляла ее семейный статус. Свекровь по поводу первой беременности своей невестки устраивала угощение для женщин аула (*құрсақ шашу*, *құрсақ той*), которые поздравляли молодуху и приносили ей небольшие подарки.

Детская смертность была достаточно высокой, выживали далеко не все дети. Да и сами роженицы часто умирали от неблагополучных родов. К женщинам, у которых часто умирали дети, отношение было особое: их не приглашали в гости в дом, где была беременная женщина, им запрещалось присутствовать во время родов и тем более прикасаться к новорожденному. По традиционным представлениям казахов, одно присутствие при родах такой «неблагополучной» женщины, в которой «сидит шайтан», могло стать причиной смерти новорожденного или роженицы (П... 1878: 56). Если роды затягивались, то вре-

мя на дознания не тратили, а выгоняли из юрты всех женщин, как правило, оставляя только заранее приглашенную повитуху.

По сути, женщины, у которых дети умирали при родах или во младенчестве, приравнивались по статусу к бесплодным, и их положение в традиционном обществе было намного ниже многодетных благополучных женщин. Иногда женщины старались скрыть даже от близких людей, сородичей сам факт рождения мертвого ребенка, особенно если это был первенец (Калмаков 1910: 225). Такое событие могло понизить как статус их семей в обществе, так и положение в семье мужа самих женщин.

Уважаемых, добрых женщин, у которых выживали дети, приглашали не просто присутствовать на родах, а принимать новорожденно-го, то есть стать *кіндік шеше* — фактически второй матерью. Считалось, что даже одежда таких женщин обладает особой силой — в их одежду заворачивали младенцев, а бесплодные женщины старались заполучить эту одежду, надеясь, что благодать многодетности перейдет и к ним.

Вину за бездетность семьи всегда возлагали на женщину, так как бездетность мужчины доказать было достаточно трудно. Доказательствами могли стать либо факт полового бессилия мужа, либо отсутствие детей у других его жен. Но если женщина доказывала свою невиновность в бездетности семьи, то имела полное право требовать развода. В случае такого развода приданое оставалось за женщиной, но будущий муж все же обязан был уплатить калым, причем не родителям женщины, а ее бывшему супругу (Козлов 1882: 333). Развод давал женщине возможность повторно выйти замуж и обрести счастье материнства в другой семье с новым мужем.

Казахи бездетную женщину называли *бауыры құтсыз* — буквально «с печенью, не имеющей *құт*»³ в значении «бесплодная, нерожавшая» (Шаханова 1998: 68). Отклонение от закрепленного обычаям брачного стандарта ставило как женщину, так и мужчину в позицию нарушителя норм общепринятого поведения. Каково бы ни было уважение в обществе к супружеской паре, их бесплодие становилось причиной понижения статуса семьи и было одним из распространенных поводов для развода и многоженства. Окружающие относились к бездетной семье с сожалением и неприязнью, особенно если у супругов не рождались дети в течение пяти лет после заключения брака. По представ-

³ Печень, по традиционным представлениям казахов, наряду с головой считается местом локализации жизненной силы человека — *құт*.

лениям казахов, бесплодие женщины могло наступить от сглаза бездетных людей, от вредоносных действий шаманов, злых духов (*джиннов, шайтанов, пери, албасты, марту*), от несоблюдения женщиной бытовых запретов. Причиной бесплодия семьи могло стать недовольство предков, которое следовало за неисполнением ряда ритуалов, связанных с почитанием их памяти (а главное проклятие предков — бездетность, следовательно, полное вымирание семьи и рода).

«Неблагополучные» женщины, пытаясь избавиться от своего горя, шли на поклон к святым местам — *мазарам*: они ночевали на могилах святых (*аулие*), пили воду из святых источников (*арасан*), скатывались на спине со святых камней, совершали жертвоприношения и устраивали совместные трапезы и моления на мазарах, прибегали к помощи народных целителей, стараясь различными способами излечить свой недуг, понимая, что их положение и в семье, и в обществе не соответствует традиционным ценностным ориентирам.

Способность к деторождению влияла и на принадлежность женщины к определенным социально-возрастным группам. Как уже указывалось, молодая женщина, не имеющая детей, до рождения первого ребенка пребывала в статусе *келін*; женщину, имеющую менее трех детей, могли называть просто *эйел* (женщина), и она причислялась к возрастной группе *сары қарын*; а почетное звание *бәйбіше* приобретала только женщина, родившая не менее трех здравствующих детей, лучше — мальчиков, которые уже выросли и женились.

Как отмечает Н. Шаханова, в некоторых районах Казахстана, преимущественно южных, существовал обряд надевания на женщину, родившую 3–4 детей, *белшалғыш*⁴ — несшитой спереди юбки, являющейся одеждой женщин, достигших определенного возраста и статуса. По поводу этой процедуры устраивалось угощение, причем в отличие от празднования первого надевания кимешека, которое организовывала всегда свекровь, надевание *белшалғыш* справляла сама женщина, выступавшая уже как полноправная хозяйка своего дома и мать уже рожденных детей (Шаханова 1998: 57–58).

Таким образом, одежда, как и прическа, выступала в роли знака, определявшего не только возрастной, но и социальный статус женщины. Причем, как мы уже заметили, на семейный и социальный статусы женщины огромное влияние оказывала ее способность к деторождению. С точки зрения традиционного мировоззрения основными

⁴ То же самое, что и бельдемше — *белдемше* (подр. см.: Байгабатова 2004; а также: Ажигали 2001: 72) (прим. ред. — С.А.).

функциями женщины брачного возраста считались деторождение и воспитание детей. Многодетность женщины связывалась с представлениями о ее мудрости, о приобретении жизненного опыта. К такой женщине обращались за советом не только молодые женщины, но и мужчины.

Почитание образа матери до настоящего времени сохраняется в представлениях о мифологической покровительнице всех женщин и детей — о добром духе *Ұмай*. Вера в божество *Ұмай* является отголоском древнего культа, родиной которого считается Центральная Азия. Он распространен у многих тюркоязычных народов: у кыргызов, алтайцев, хакасов. В казахском языке имя *Ұмай* сохранилось в виде *Май ана* — «Мать Май», «Мать-огонь» (Жубанов 1936: 13; Толеубаев 1991: 43). Во многих тюрко-монгольских языках слово *ұмай* (*ума*) тесно связано с процессом рождения ребенка и употребляется в значении утробы матери, последа. Невеста, в первый раз переступая порог дома своего свекра, наливала *май* (каз.: масло) в очаг, роженица для облегчения родовых мук обращались в своих словах за благословением к Матери *Май*. До недавнего времени казахские повитухи и целительницы призывали в помощь почитаемых женщин, в том числе и Мать *Май*. Принимая роды или проводя сеанс лечения, они приговаривали: «Не моя рука, рука Биби Фатимы, Зухры, матери *Ұмай* (Май), матери Камбар...» (Толеубаев 1991: 43–44).

2.7. Основные причины многоженства. Хозяйственные обязанности женщины

Среди казахов многоженство не было широко распространено. Но полигамия традиционно рассматривалась как показатель престижа и достатка мужчины, так как размер калыма с заключением каждого нового брака пропорционально возрастал. И позволить себе взять вторую или третью жену не по праву левирата (*әмеңгерлік*), а девушку, еще не вступавшую в брак, мог только состоятельный человек.

Одной из веских причин второго и третьего брака была необходимость для мужчины, имеющего обширное хозяйство, приобрести дополнительные рабочие руки. Довольно часто состоятельные казахи выделяли каждую жену в отдельное хозяйство, и женщинам приходилось управлять целыми аулами во время отсутствия мужа, пока он кочевал в отдалении от них, но с наступлением зимы все члены семьи сходились вместе на зимовку.